

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЛИТИКЕ КНР:

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ирина Кокушкина

Санкт-Петербургский государственный университет

Мария Солощева

Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

Abstract

The idea of combining the efforts of Central Asian countries and China to develop trade and economic relations of the region with Western countries was announced by President XI Jinping in the capital of Kazakhstan Astana (modern Nur Sultan) September 7, 2013. Here for the first time was announced the name of the global project – "One belt – one road", which defined the foreign policy interests of China, primarily in the countries of Central Asia and Middle East, and concerned various areas of development of many countries and regions of the world: security, socio-cultural, political, diplomatic and civilizational aspects of their existence. Along with the obvious advantages of attracting Chinese investment, developing infrastructure and expanding cooperation in the Chinese market, the Central Asian countries faced a number of problems caused by this cooperation. Protests against the implementation of Chinese projects in Kazakhstan and Kyrgyzstan in 2016-2019 revealed the problem areas of cooperation between the countries within the framework of the Chinese initiative.

In this article, the authors analyse how the Central Asian countries benefit from large-scale cooperation with China and what explains the inner opposition to its development.

Keywords: *China, Central Asia, Trade and Economic Relations, One Belt — One Road, Belt and Road Initiative*

Аннотация

Идея объединения усилий стран Центральной Азии и Китая с целью развития торгово-экономических отношений региона с западными странами была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в столице Казахстана Астане (совр. Нур-Султан) 7 сентября 2013 года. Здесь же впервые прозвучало название глобального проекта – “Один пояс – один путь”, который определил внешнеполитические интересы Китая, в первую очередь в странах Центральной Азии и Ближнего Востока, а также затронул различные области развития многих государств и регионов мира: безопасность, социокультурные, политико-дипломатические и цивилизационные аспекты их существования. Наряду с очевидными преимуществами, заключающимися в привлечении китайских инвестиций, развитии инфраструктуры и расширении сотрудничества на китайском рынке, страны Центральной Азии сталкиваются с рядом проблем, вытекающих из сотрудничества с КНР в рамках “Одного пояса — одного пути”. Протесты против реализации китайских проектов в Казахстане и Киргизии в 2016-2019 гг. вскрыли проблемные зоны сотрудничества стран в рамках китайской инициативы.

В данной статье авторы анализируют, насколько странам Центральной Азии выгодно масштабное сотрудничество с КНР и чем объясняется противодействие его развитию.

Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, торгово-экономические отношения, Один*

Пояс — Один Путь, Инициатива Пояса и Пути

Введение. Китайский проект “Один пояс — один путь” (далее — ОПОП) призван возобновить экономическое, политическое и культурное значение Великого Шелкового пути (далее — ВШП) — одного из величайших торговых путей, игравшего важную роль в развитии многообразных связей между государствами на протяжении более полутора тысяч лет. Именно этот торговый маршрут в период с II в. до н. э. и по XVII в. способствовал развитию мировой торговли и экономики отдельных стран, а также процессам интернационализации и глобализации.

Страны Центральной Азии (далее — ЦА) на сегодняшний день являются главными внешними бенефициарами китайского проекта. Благодаря сотрудничеству с КНР, они вышли из-под влияния России, и получили новые возможности развития. В то же время, новое положение стран ЦА оценивается многими аналитиками как зависимость от Китая, который стал главным импортером газа из Туркмении, главным инвестором в нефтяную промышленность Казахстана, главным инвестором инфраструктурных проектов в ЦА (Shi 2016).

Выгоды от реализации проекта ОПОП на территории стран ЦА очевидны: это, в первую очередь, привлечение китайских инвестиций, развитие инфраструктуры, расширение сотрудничества на китайском и, в перспективе, на западном рынке. В то же время, страны ЦА столкнулись с противодействием со стороны своего населения. Так, волна протестов против реализации китайских проектов прокатилась по основному партнеру Китая — Казахстану в сентябре 2019 года. Высокая степень недовольства кайтйско-киргизскими проектами на протяжении 2016-2019 гг. высказывалась со стороны местных жителей Киргизии (Новая Газета 2019).

В данной статье авторы ставят своей **целью** определить перспективы участия стран ЦА в китайском проекте, формулируя следующие **задачи исследования**:

1. Определить, какими интересами руководствуются КНР и страны ЦА в развитии торговых отношений, и какие факторы влияют на их развитие.
2. Рассмотреть интересы каждой из пяти стран ЦА и выявить факторы, определяющие их заинтересованность в участии в ОПОП, проанализировав основные экономические показатели.
3. Определить причины антикитайских выступлений в странах ЦА и тенденции в развитии их двухсторонних торговых отношений.

Предпосылки возникновения и основные идеи концепции ОПОП. В конце XX – начале XXI в. Китай инициировал возрождение идеи ВШП, игравшего важнейшую роль в развитии многообразных связей между государствами на протяжении более полутора тысяч лет.

В процессе своего развития маршруты ВШП изменялись и расширялись. Можно выделить две основные трассы, соединявшие Восток и Запад: северная (от севера Китая через Центральную Азию, Памир и Приаралье к Нижней Волге и к бассейну Черного моря) и южная (от севера Китая через Центральную Азию к

Северной Индии и Ближнему Востоку) (Islam 2019: 5).

Сферы влияния торговли, осуществлявшейся по этим коридорам, включали: развитие экономик отдельных государств и целых регионов, появление системы денежных расчетов вместо обычного тогда бартера (Латов 2010: 132), развитие налоговой системы, развитие различных институтов мирового хозяйства, гуманитарные, межкультурные связи, межрегиональные отношения. В XVII в. Великий шёлковый путь прекратил свое существование.

В основу нового проекта—ОПОП, известного также как “Новый Шелковый путь” или “Инициатива Пояса и Пути”—легли идеи, которые в целом отвечают интересам большинства государств, которые могут принять участие в его реализации:

1. Возможность согласования планов, стратегий по политическому и экономическому развитию стран и создание программы для региональной экономической интеграции.

2. Реализация ОПОП должна способствовать росту взаимной торговли стран за счет снижения или ликвидации различного вида торговых барьеров.

3. Развитие и модернизация транспортного сообщения и инфраструктуры в регионах (Arvis/Rastogl 2014: 12).

4. Развитие денежных отношений между странами, а именно применение национальных валют при расчетах и создание региональных финансовых организаций для сокращения издержек и снижения рисков.

5. Активация гуманитарных контактов, содействие осуществлению межцивилизационного диалога, развитие дружественных отношений между людьми (Grieger 2016).

Создавая противовес стратегии США по организации Тихоокеанского партнерства в Юго-Восточной Азии, Китай подчеркивает важность учета исторических традиций и самоидентификации народов.

ОПОП включает в себя шесть наземных коридоров: Китай — Пакистан; Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма; Китай — Центральная Азия — Западная Азия; Китай — Индокитай; Китай — Центральная Азия — Россия — Балтика; Китай — Монголия — Россия, а также три морских коридора (Zhao 2015).¹

Ключевую роль в проекте играют инвестиции в инфраструктуру: на основе уже проложенных железных дорог КНР создала динамичную систему регулярных грузовых поездов совместно с европейскими и центрально-азиатскими городами. Именно по ней начала действовать международная торговля, по традиционному маршруту Шелкового пути. Инфраструктурные объекты, созданные в рамках ОПОП, должны улучшить местную и региональную взаимосвязь принимающих инвестиции стран, и в сочетании с попытками местной индустриализации, подкрепленные новыми возможностями торговли и обмена, и финансируемыми Китаем или иным образом, помогут вывести местное население из ловушки изоляции, бедности и маргинального

---

¹ Liu M., [刘梦] “Liu da jingji zoulang, 六大经济走廊 [Six Economic Corridors, Belt and Road Portal]”, (2018), <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/rcjd/60644.htm>, (дата обращения 10. 05. 2019).

положения (Dong et al. 2019).

В 25-27 апреля 2019 г. в столице КНР состоялся второй Международный форум “Один пояс — один путь”. В Пекине собрались 37 глав государств и правительств. По данным агентства “Синьхуа” на апрель 2019 года, в рамках ОПОП было подписано суммарно 173 соглашения со 125 государствами и 29 международными организациями.² Историческая значимость и позитивная коннотация проекта прекрасно “продается” другим странам, которые в надежде на экономическое благополучие охотно вступают в китайскую инициативу.

Укрепляя обширные контакты со странами вдоль маршрута ОПОП, Китай стремится реализовать свои внешнеэкономические стратегии, в том числе повышение своей роли в региональной интеграции. Для поддержания динамики китайского рынка нужны новые инвестиционные программы, которые бы обеспечивали новые рынки сбыта и направления деятельности для компаний. Хотя у Китая достаточно большое количество партнеров, с помощью инициативы ОПОП открываются новые рынки евразийского пространства для экспорта китайских товаров.

С точки зрения внутреннего развития КНР, ОПОП является продолжением программы “Большого освоения Запада”. В Китае уровень бедности нарастает с востока на запад. Неблагоприятными регионами страны по экономическим показателям являются: Синьцзян-Уйгурский, Нинся-хуэйский, Тибетский и Гуанси-Чжуанский автономные районы, а также провинции Ганьсу и Юньнань. Ситуация усугубляется тем, что в этих регионах проживают этнические и религиозные меньшинства Китая, которые по историческим причинам негативно относятся к проводимой КНР политике (Jeong 2015: 4-7). Привлечение капитала в эти слабо развитые регионы с помощью проектов ОПОП может обеспечить местное население работой и хорошим уровнем дохода, что снизит большую дифференциацию в уровнях жизни разных регионов страны. Появление рабочих мест в западных провинциях, также приведет к уменьшению потока мигрантов в перенаселенные мегаполисы Китая (Zhou 2014: 21). Общее благосостояние страны, в конечном итоге должно понизить социальную напряженность и решит вопросы безопасности и терроризма не только в Китае, но и за его пределами.

Внутренние проблемы КНР и стремление решить их за счет развития инициативы ОПОП очевидно и для стран-партнеров. И если правительства стран ЦА заключают договоры в рамках инициативы, взвешивая возможные издержки и преимущества, то местным жителям, которые проживают на территориях, где реализуются совместные проекты, больше видны проблемные зоны. Что же касается позитивных изменений в экономике страны, для населения они менее очевидны. Недопонимание перспективных целей сотрудничества с КНР и негативный информационный фон на современном этапе привели к антикитайским выступлениям во многих странах,

---

² “China Focus: Belt and Road Initiative Makes Solid Progress, Embraces Brighter Future: Report”, *Xinhua* (2019), http://www.xinhuanet.com/english/2019-04/23/c_137999264.htm, (дата обращения 10. 05. 2019).

включая страны ЦА.

Рассмотрим ниже экономические показатели и конкретные ситуации, сложившиеся в рамках двухстороннего сотрудничества Китаем с пятью странами ЦА.

Основные показатели торгово-экономических отношений стран ЦА и Китая. В соответствии с информацией из базы данных по торговле биржевыми товарами ООН, общий объем экспорта и импорта между ЦА и КНР увеличился с 81,02 млрд в 2007 году до 199,83 млрд долларов в 2017 году. Среднегодовой коэффициент роста составил 9,5%. Объем импорта из стран ЦА с 59,73 млрд долларов в 2007 году вырос до 100,32 млрд в 2017 году, среднегодовой коэффициент роста составил 5,3%. Объем экспорта увеличился за тот же период с 21,29 млрд до 99,51 млрд долларов, показав рост в 16,7%. Стабильный рост свидетельствует о постепенном взаимодополнении потребностей торговли между КНР и ЦА.³

Индекс схожести экспорта (ESI) демонстрирует, насколько сравниваемые страны и регионы совпадают по экспортируемой продукции. Чем ниже индекс, тем более совместимы экономики. КНР и ЦА, с 2007 по 2017 годы стабильно снижались, показав падение с 29 до 20 пунктов (из 100). Он мал сам по себе, что свидетельствует о низкой конкуренции сравниваемых экономик. Кроме того, он год от года уменьшается, что обозначает не только снижение областей конкуренции, но и расширение сферы возможного сотрудничества (Jiang/Wang 2018: 129-130).

В 2018 году китайскими учеными Цзян Юйнин и Ван Яли было проведено исследование индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA) с учетом системы классификации товаров и услуг Стандартной Международной Торговой Классификации в 3-й редакции 1985 года (SITC). Анализ тенденций за 2007-2017 годы подтверждает, что Китай доминирует в экспорте машинного и транспортного оборудования (капиталоемкие производства), в то время как основную долю экспорта стран ЦА составляет топливо и необработанное сырье (ресурсоемкое производство), что также свидетельствует о комплиментарности экономик (Jiang/Wang 2018: 133). Анализ учеными показателя степени торговой интеграции (TDC) показывает, что зависимость Китая от торговли с ЦА постепенно падает, а ЦА, наоборот, все больше зависит от Китая (Tang 2018: 19-20).

Казахстан и ОПОП. Казахстан — важный геостратегический партнер, с которым КНР активно развивает отношения. Китай постоянно наращивает инвестиции в Казахстан, а Казахстан экспортирует в КНР химические средства, нефть и другое сырье, продовольствие. Страна богата природными ресурсами, в которых нуждается КНР, так что существует значительный простор для развития двусторонней торговли. С 2005 года Китай является владельцем Петроказахстан – крупнейшей нефтяной компании бывшего СССР, в 2009 Китай приобрел долю в Мангистау-

---

³ UN Comtrade Database, (2017), <https://comtrade.un.org/>, (дата обращения 10. 05. 2019).

МунайГаз.⁴ Китай инвестирует в энергетические проекты и инфраструктуру, входит в тройку главных импортеров Казахстана.

Интерес Казахстана также довольно очевиден. Страна не имеет выхода к морю, и располагающийся на границе с ней Китай является не только рынком сбыта добываемого в Казахстане сырья, но и политическим союзником и источником инвестиций в инфраструктуру, которая в перспективе понизит стоимость доставки экспортной и импортной продукции из Китая и из множества других стран, расположенных вдоль ОПОП.

В 2012 году исполнилось 20 лет со дня официального установления отношений между КНР и Казахстаном. Начались масштабные совместные проекты в области культуры, расширились научные контакты, проекты по взаимодействию талантливой молодежи, а также в области СМИ, волонтерские программы и пр. мероприятия, года культуры, культурные фестивали, фестивали кино, недели популяризации туризма. Все это создало благоприятный фон для развития совместных проектов. Китай стал ежегодно выделять 10000 правительственных стипендий для студентов из стран ОПОП, облегчил получение визы, усилилась взаимопомощь при нейтрализации эпидемий, профилактике СПИДа, онкологических заболеваний, малярии (Tursynbayeva 2018). Нарастивая таким образом мягкую силу в Казахстане, Китай одновременно повышает зависимость его экономики и усиливает свое политическое влияние в регионе.

Ведущую роль Казахстана в центральноазиатской составляющей китайской Инициативы определяют следующие факторы:

1. Через Казахстан пролегает самый короткий транспортный коридор в Европу.
2. Казахстан обладает богатыми сырьевыми ресурсами и квалифицированными кадрами.
3. Казахстан — страна с устойчивым политическим климатом и благоприятным инвестиционным рынком. Для Казахстана Китай, в свою очередь, является главным экспортным рынком.
4. Сотрудничество с Казахстаном позволит Китаю наладить политические и экономические связи и с другими тюркоязычными странами.

Казахстан занимает ключевое место в проекте для КНР. На Казахстан приходится Более 50% совокупного ВВП ЦА (Изимов/Мураталиева 2018: 135). И именно на эту страну приходится 91,5% от общей суммы прямых инвестиций КНР в страны Евразийского союза (Arvis/Rastogl 2014). Поэтому особенно важным является понимание причин недовольств в Казахстане, которые вылились в сентябре 2019 года в массовые антикитайские выступления.

В Казахстане, также, как и на Дальнем Востоке России, население периодически выступает против реализации китайских проектов. Это связано с

---

⁴ Шибутов М., “Китай достиг критической доли в нефтегазовых активах Казахстана” (2012), <https://regnum.ru/news/1518544.html>, (дата обращения 10. 05. 2019).

опасениями за экологическую составляющую совместных проектов, нежеланием допустить предполагаемый перенос на территорию своей страны устаревших мощностей, массовую скупку китайцами казахских земель и с тем, что выгода от этих проектов для местного населения исключительно мала: застройщиками выступают китайские фирмы, которые нанимают китайских рабочих и используют китайские технологии. В отличие от нерегулярных митингов и выступлений на территории РФ, в Казахстане есть опыт реального влияния масштабных выступлений на судьбу проектов, как это было с внесением поправок в Земельный кодекс в 2016 году, когда власти отказались от упрощения передачи земли в аренду иностранцам. В 2019 году власти также пошли на диалог, дав пояснения для проявивших недовольство на пресс-конференциях. В частности, областное руководство заверяло протестовавших, что решения о строительстве китайских предприятий не будут приниматься без предварительных общественных слушаний. Впрочем, новый президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев пока не продемонстрировал склонности идти на уступки: при активизации протестного движения начались аресты, а заметных изменений во внешней политике не последовало.⁵

Как китайское, так и казахстанское правительство объяснили волну протестов, охвативших Казахстан в сентябре 2019 года, провокацией “третьих сил”, что небезосновательно, ведь поводом для протестов послужило соглашение о совместных 55 проектах, подписанное за 4 года до протестов. Сроки проведения акций также вряд ли могли случайно совпасть с кануном визитов президента Казахстана в КНР и председателя Постоянного комитета ВСНП в Казахстан.⁶ Тем не менее, при весьма вероятной провокационной составляющей осенних выступлений, очевидным является высокий градус недовольства и опасения растущего в Казахстане китайского влияния.

Пересмотру позитивного отношения к участию в китайских проектах способствовали следующие факторы: снижение цены на нефть — главный предмет экспорта из Казахстана, расширение возможностей торговли с другими странами, связанное с развитием региональной инфраструктуры. Кроме того, беспрецедентный поток инвестиций, хлынувший из Китая в Центральную Азию в начале 2010-х гг. стал уменьшаться, а реализуемые проекты, напротив, стали приносить прибыль Китаю больше, чем странам, на территории которых были запущены проекты.

Киргизия и ОПОП. Отношения КНР с Киргизией всегда имели положительную динамику развития и характеризовались как торгово-экономическим, так и политическим диалогом в рамках международных организаций. КНР импортирует из

---

⁵ “Актуальны ли антикитайские протесты в Казахстане для российских интересов?” *РСМД* (2019), <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antikitayskie-protesty-v-kazakhstane-dlya-rossiyskikh-interesov/>, (дата обращения 10. 05. 2019).

⁶ Умаров Т., “Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая”, (2019), <https://carnegie.ru/commentary/80155>, (дата обращения 10. 05. 2019).

Киргизии уголь и другие полезные ископаемые, являясь главным импортером страны. Совместные проекты в рамках ОПОП включают, в первую очередь, развитие инфраструктуры для удешевления поставки угля. Тем не менее, двусторонние отношения Китая и Киргизии сложно назвать сбалансированными: Экспорт в Киргизию в 500 раз превышает импорт, составляя 5,34 млрд по данным на 2017 год, при общем объеме торговли 5,42 млрд. Государственный долг страны Китаю составляет 1,8 млрд долларов (Jiang/Wang 2018: 129-130).

На этом фоне объяснимыми выглядят протестные выступления местного населения против реализации китайских проектов в 2018 и 2019 гг: поджог строящегося завода в Казармане, драка с китайскими рабочими в Солтон-Сары, митинги с требованиями депортации китайских нелегалов. Главным источником недовольства, наряду со стереотипными представлениями о том, что китайцы занимают рабочие места коренного населения, служит несоблюдение экологических норм при строительстве и работе китайских предприятий. В частности, жители обвиняют китайцев в отравлении рек и связанной с этим массовой гибели скота. Интересным является факт, что имели место компенсации китайской стороной потерь местного населения, однако реализация ряда проектов по-прежнему затруднено.⁷

Узбекистан и ОПОП. Узбекистан меньше своих соседей зависит от Китая и не граничит с Россией, поэтому не входит в региональные проекты РФ. Китай для Узбекистана является вторым по величине импортером. По данным за 2017 год, Китай экспортировал в Узбекистан продукции на 2,75 млрд долларов, стоимость импортированных товаров, главным образом, золота и энергоносителей, составила 1,47 млрд. Отношения между государствами динамично развиваются в духе стратегического партнерства, что подтверждается совместными договором о дружбе и сотрудничестве, декларацией о развитии и углублении двусторонних соглашений, в сентябре 2013 года. Из 582 совместных китайско-узбекских предприятий более 80 были созданы исключительно на базе китайских инвестиций (Kurbonov 2018).

Китай активно развивает свое присутствие на рынке Узбекистана, но не доминирует на нем. По оценкам исследователей, экономического влияния КНР в Узбекистане боятся не меньше, чем потенциального политического влияния стран Запада (Kuchins et al. 2015: 41)

Исследователи из Нью Дели предполагают возможной перспективу в развороте политики Узбекистана и государств Центральной Азии в сторону Индии, одним из немногих игроков на мировой арене, еще не заключивших с Китаем соглашений в рамках проекта ОПОП (Dwivedi 2006: 139-159).

---

⁷ “Они ушли—вода стала чище, и трава снова нормально растет” - как жители Кыргызстана взбунтовались против “китайской экспансии”, *Новая Газета* (2019), <https://www.novayagazeta.ru/articles/-/2019/11/08/82632-strah-i-nenavist-na-solton-sary>, (дата обращения 10. 05. 2019).

Таджикистан и ОПОП. По состоянию на осень 2019 года между КНР и Таджикистаном подписано около 200 договоров в сфере торговли, экономики, здравоохранения, сельского хозяйства, образования и др. Общий объем торговли невелик, Таджикистан занимает последнее место в торговле Китая с ЦА, составляя 1,35 млрд долларов, причем, как и в случае с Киргизией, импорт из Китая значительно превышает экспорт: 1,3 млрд и 0,05 млрд соответственно. Таджикистан импортирует, главным образом, электротехнику, машины и другие предметы бытового потребления. Таджикистан, как и другие страны ЦА, экспортирует в Китай сырье: алюминий, хлопок, кожу и др. На 2018 год в стране осуществляется более 50 крупных и средних проектов, осуществляемых, главным образом, в сфере добычи и переработки полезных ископаемых и развития сельского хозяйства и инфраструктуры. Более половины внешнего долга страны (1,2 млрд) принадлежит Китаю. Эксперты отмечают, что значительные суммы многомиллионных инвестиций возвращаются в Китай уже на первых этапах их реализации, так как уходят на оплату труда китайских рабочих, привлечение которых оговаривают условия контрактов.⁸

Туркмения во внешней политике КНР. Отношения с Туркменией развиваются по иному сценарию. Доля Китая в экспорте из страны составляет 68% (6,6 млрд в денежном эквиваленте). Являясь главным поставщиком газа в Китай, Туркмения не входит в число стран, подписавших с КНР договоры о сотрудничестве в рамках ОПОП и почти не импортирует китайские товары. Из 6,94 млрд общего объема торговли импорт из КНР составляет всего 0,37 млрд. (Shi 2016).⁹

Вместе с тем, отметим, что переориентация на экспорт природного газа в Китай после запуска газовой трубы в 2010 году (который также стал итогом китайских многомиллиардных инвестиций) поставила Туркмению в экономическую зависимость от Китая (Stanojevic 2016: 150-151). По сути, Туркмения стала бенефициаром китайской инвестиционной политики за несколько лет до объявления о начале реализации ОПОП. Наличие необходимой для налаживания торговли с Китаем инфраструктуры к 2013 году определило отсутствие стремления со стороны Туркмении подключиться к китайскому проекту.

Подводя итог сказанному выше отметим, что в целом торговля со всеми пятью странами ЦА составляет весьма незначительную долю китайской экономики (всего около 0,87%). Это меньше, чем к примеру, объем торговли с Ираном, составляющим 0,9% торгового оборота КНР.¹⁰ В то же время, ЦА является важнейшим геостратегическим партнером, так как поставляет необходимое для развития отсталых западных регионов КНР сырье, является рынком сбыта для промышленной продукции и служит

⁸ Захватов А., “Сотрудничество Таджикистана и Китая развивается по китайскому сценарию”, (2014), <http://www.dialog.tj/news/news20614>, (дата обращения 10. 05. 2019).

⁹ UN Comtrade Database, (2017), <https://comtrade.un.org/>, (дата обращения 10. 05. 2019).

¹⁰ National Bureau of Statistics of China, (2018), <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>, (дата обращения 10. 05. 2019).

транзитной зоной для торговли со странами Ближнего Востока.

Выводы. Реализация китайской инициативы ОПОП нацелена, в первую очередь, на развитие экономик стран-участниц проекта. Китай, как инициатор проекта, является главным инвестором инфраструктурных проектов, в том числе в страны ЦА, без всестороннего взаимодействия с которыми мега-проект не был бы возможен.

Согласно экономическим показателям, сотрудничество и наращивание торговли выгодно как КНР, так и странам ЦА. Показатели конкуренции в области внешней торговли низкие и имеют тенденцию к уменьшению. В то же время индекс взаимодополняемости во внешней торговле высок и показывает потенциальный рост. Страны ЦА экспортируют, главным образом, ресурсоемкое производство, а импортируют — капиталоемкое и трудоемкое производство, на экспорте которого специализируется Китай.

Идея ОПОП предполагает, что этот китайский мега-проект станет двигателем развития торговых, экономических, культурных и других гуманитарных связей Китая и Европы и вовлечет в этот процесс все страны, расположенные вдоль ОПОП, как это произошло раньше на ВШП, но с новой силой нового тысячелетия.

Для китайской стороны наиболее важными факторами, определяющими стратегическую роль стран ЦА в ОПОП являются: необходимость развития инфраструктуры для удешевления транзита в страны Ближнего Востока и, в перспективе, в страны Европы; потребность в развитии граничащих с ЦА бедных западных районов КНР и обеспечение этих регионов сырьем и рынком сбыта; возможность экспорта рабочей силы в рамках проектов по развитию инфраструктуры; усиление политического влияния КНР на страны с тюркоязычным населением и их содействие антитеррористической политике КНР; возможность обеспечения стабильности и региональной безопасности посредством реализации проектов Инициативы; ускорение развития отсталых Западных регионов КНР.

Страны, вступающие в Инициативу, безусловно, получают определенные блага и выгоды от участия в проекте, но Китай, инвестируя в многомиллионные проекты, значительную часть средств возвращает за счет условий использования их технологий и их рабочей силы.

Негативным фоном для развития отношений КНР со странами ЦА служит активное освещение в СМИ внутренних китайских вопросов. Ряд резонансных проблем напрямую касается жителей стран ЦА, где проживает более 300 тысяч уйгуров. Кроме того, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают этнические казахи, киргизы, таджики и узбеки. Общение граждан Китая с родственниками за его пределами правительство полностью под контроль взять не может. Китайские “школы перевоспитания” признаются другими странами внутренними делами КНР, но родственники и друзья граждан КНР регулярно устраивают митинги и другие акции против Китая на территории своих стран.

Негативный фон обостряет восприятие населением ЦА проблем, связанных с

боязнью попадания в экономическую зависимость, превращения в сырьевой придаток КНР, усилением проблем с экологией и безработицей. Поэтому странам-необходимо принимать превентивные меры по предотвращению массовых протестов против реализации совместных с Китаем проектов. Антикитайские выступления в Казахстане и Киргизии в 2016-2019 гг. вскрыли ряд непосредственно связанных с проектами в рамках ОПОП проблемных зон, в которых необходимы изменения:

1. Строгий контроль за соблюдением экологических норм со стороны как Китая, так и стран ЦА, на территории которых планируется и осуществляется производство.

2. При подписании соглашений о совместных проектах необходимо распределять квоты для создания рабочих мест для обеих сторон.

3. Необходимо обеспечить информированность населения стран-бенефициаров о содержании подписанных договоров и преимуществ их реализации.

Трудности, с которыми столкнулся Китай на современном этапе реализации проекта ОПОП, свидетельствуют о необходимости наращивания Китаем мягкой силы для улучшения своего имиджа в странах ЦА. Проект ОПОП, постепенно переходящий от стадии инвестирования Китая в будущее к получению им прибыли, на современном этапе требует новых решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Изимов Р. Ю./З. Т. Мураталиева (2018), “Центральноазиатский трек инициативы ‘Пояс и Путь’: возможности и риски”, *Вестник международных организаций* 13/3: 128-142.
- Латов, Ю. В. (2010), “Великий шелковый путь — пролог мировой экономики и глобализации (к 2130-летию ‘открытия’)”, *Историко-экономические исследования* 11/1: 123-140.
- Чуфрин Г.И. (2012), “Инвестиционное наступление Китая в Центральную Азию”, *Экономическое обозрение* 4: 54-68.
- Arvis J.-F./C. Rastogl (2014), *The Eurasian Connection. Supply-Chain Efficiency along the Modern Silk Route through Central Asia*, Washington, D.C.
- Dong Quan-chao et al. 董全超 肖轶涛 储共强 (2019), “Yidai – Yilu” zhi heping fazhan: jiyu guojia neibu anquan yu waibu heping shijiao de fengxi pingjia “一带一路”之和平发展: 基于国家内部安全与外部和平视角的分析评价 [The Peaceful Development of “The Belt and Road” Initiative: Analysis and Evaluation Based on the Perspective of National Internal Security and External Peace], *Northeast Asia Economic Research*, 4: 14-31.
- Dwivedi R. (2006), “China’s Central Asia Policy in Recent Times”, *China and Eurasia Forum Quarterly* 4: 139-159.
- Grieger G. (2016), “One Belt, One Road (OBOR): China’s Regional Integration Initiative”, *Briefing European Parliament Research Service* (http://www.europarl.europa.eu/Reg/Data/etudes/BRIE/2016/586608/EPRS_BRI%282016%29586608_EN.pdf, consulted May 10, 2019).
- Islam N. (2019), *Silk Road to Belt Road. Reinventing the Past and Shaping the Future*, Singapore.

- Jeong J. (2015), "Ethnic Minorities in China's Western Development Plan", *Journal of International and Area Studies* 22/1: 4-7.
- Jiang Yu-ning/Ya-li Wang 蒋宇宁/王雅莉 (2018), "Yidai – Yilu" Changyi xia Zhongguo yu Zhongya diqu maoyi hezuo de jingzhengxing yu hubuxing yanjiu, "一带一路"倡议下中国与中亚地区贸易合作的竞争性与互补性研究 [Research of the Competitiveness and Complementarity of Trade Cooperation between China and Central Asia under the Initiative of Belt and Road], *Neimenggu shehui kexue* 内蒙古社会科学 Inner Mongolia social sciences 39/5: 128-135.
- Kuchins A.C. et al. (2015), *Central Asia in a Reconnecting Eurasia. Uzbekistan's Evolving Foreign Economic and Security Interests*, Rowman & Littlefield.
- Kurbonov I. 李韩 (2018), "Yidai – Yilu" beijing xia Wuzibiekeshan tianranqi dui Zhongguo de chukou maoyi yanjiu, "一带一路"背景下乌兹别克斯坦天然气对中国的出口贸易研究 [The Research on Export of Uzbekistan Natural Gaz within the "One Belt–One Road" Concept], Xi'an.
- Shi L. 诗琳 (2016), *Tukumansitan dui Zhongguo "Sichou zhilu jingjidai" changyi de renzhi yu yingdui*, 土库曼斯坦对中国丝绸之路经济带倡议的认知与应对 [Turkmenistan's Perception and Response of China Silk Economic Belt], Tianjin.
- Stanojevic N. (2016), "The New Silkroad and Russian Interests in Central Asia", *The Review of International Affairs*, 1161: 142-161.
- Tang L. 唐凌宇 (2018) "Yidai – Yilu" changyi xia Zhongguo yu Zhongya wuguo maoyi hezuo qianli yanjiu, "一带一路"倡议下中国与中亚五国贸易合作潜力研究 [The Research on Potential for Trade Cooperation of China And the Five Nations in Central].
- Tursynbayeva G. 美丽 (2018), "Yidai–Yilu" dui Hasakesidan de jingji yingxiang fenxi, "一带一路"对哈萨克斯坦的经济影响分析 [The Analysis on the Economic Impact of "One Belt and One Road" to Kazakhstan], Nanjing.
- Zhao H. (2015), *China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia*, Singapore.
- Zhou M. L. (2014), "Build Silk Road Economic Belt and Promote Regional Economic Correspond Development", *China Nationality* 8: 20-23.